

Диалогизирующие дискурсивные слова в зеркале корпусных данных

В. А. Белов, В. М. Белова, Е. С. Крупнова

Dialogizing discourse words: corpus data evidence

V. A. Belov, V. M. Belova, E. S. Krupnova

Вадим Алексеевич Белов – доктор филологических наук, доцент; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Валентина Михайловна Белова – кандидат филологических наук; Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: belova.valentina.m@gmail.com

Елена Сергеевна Крупнова – ассистент, аспирант; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: krupnalena@mail.ru

Статья поступила: 20.02.2026. Принята к печати: 23.03.2026.

В настоящей работе рассматриваются особенности употребления дискурсивных слов в разных регистрах и стилях речи русского языка. Дискурсивными словами называются единицы, объединенные по функциональному признаку. Актуальность исследования связана с тем, что дискурсивные слова частотны в современной речи, однако их семантика не описана должным образом. Материалом исследования стали данные Национального корпуса русского языка. Для анализа были выбраны дискурсивные слова, выражающие уверенность / неуверенность в сообщаемом: *конечно, безусловно, очевидно / наверное, вероятно, скорее всего* и пр. Гипотеза исследования: в современных текстах дискурсивные слова преимущественно выполняют диалогизирующие функции, поэтому они более частотны в текстах, предполагающих диалогичность. Результаты исследования показывают, что дискурсивные слова максимально частотны в устной речи, а также они достаточно частотны в текстах социальных сетей, в газетных жанрах и классической русской литературе. Дискурсивные слова низкочастотны в поэтической речи. Активное использование дискурсивных слов связано с их ролью в непосредственном взаимодействии между участниками коммуникативной ситуации. Дискурсивные слова становятся одним из средств создания диалогизации текста: они выполняют такие прагматические функции, как установление контакта между участниками коммуникации, смены темы, создании иронии и пр. В поэтических текстах дискурсивные слова преимущественно выполняют основную функцию – выражение уверенности / неуверенности в сообщаемом. Наиболее частотными во всех регистрах среди дискурсивных слов данной группы являются единицы *конечно, может быть, наверное, вероятно*. В работе также обсуждается проблема грамматической омонимии

Vadim A. Belov – Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4173-2000

Valentina M. Belova – Cand. Sci. in Philology; HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6057-1580

Elena S. Krupnova – Assistant Professor, PhD student; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0009-0007-3127-2737

Received: 20.02.2026. Accepted for publication: 23.03.2026.

This study examines the usage features of discourse words across different registers and styles. Discourse words are defined as units grouped by functional characteristics. Research relevance stems from the high frequency of discourse words in modern speech, yet their semantics remain inadequately described. The research material comprises data from the Russian National Corpus. The analysis focused on discourse words expressing certainty or uncertainty regarding the communicated message: *konechno* (“certainly”), *bezuslovno* (“undoubtedly”), *ochevidno* (“obviously”), *naverno* (“probably”), *veroyatno* (“likely”), *skoree vsego* (“most likely”), etc. The research hypothesis posits that in modern texts, discourse words primarily perform dialogizing functions, making them more frequent in texts presupposing dialogicity. Results indicate that discourse words are maximally frequent in spoken language, and sufficiently frequent in social media texts, newspaper genres, and classic Russian literature. Discourse words exhibit low frequency in poetic speech. Their active use relates to their role in direct interaction between communicative situation participants. Discourse words become a text dialogization tool, performing pragmatic functions such as establishing contact between communication participants, shifting topics, and creating irony. In poetic texts, discourse words predominantly perform their primary function: expressing certainty or uncertainty regarding the communicated message. The most frequent units across all registers within this discourse word group are *konechno* (“certainly”), *mozhet byt'* (“perhaps”), *naverno* (“probably”), and *veroyatno* (“likely”). The study also discusses the problem of grammatical homonymy in discourse words and the complexities of determining part-of-speech classification.

дискурсивных слов и сложности определения частеречной принадлежности.

Ключевые слова: дискурсивные слова, диалогизация, субъективная модальность, корпус

Финансирование: исследование выполнено при поддержке гранта № 25-28-03474 Российского научного фонда «Изучение семантико-функциональных свойств дискурсивных слов психолингвистическими методами» (соглашение № 25-28-03474 от 16.02.2026).

УДК 811.161.1:81'42

Keywords: discourse words, dialogization, subjective modality, corpus

Funding: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 25-28-03474 “Studying the semantic and functional properties of discourse words using psycholinguistic methods” (grant agreement No. 25-28-03474, dated February 16, 2026).

OECD: 6.04OY

V

Постановка проблемы. Дискурсивные слова изучаются в рамках недавней, но богатой традиции в отечественной и зарубежной лингвистике. Под ними понимаются единицы (слова и словосочетания), лишенные пропозиционального содержания и выполняющие дискурсивные функции (подобный подход представлен, например, в работах [Баранов и др., 1993; Кибрик, Подлесская 2009; Andersen, Fretheim 2000; Fraser 1996]). Среди важнейших характеристик этих единиц называются выполнение многообразных текстовых и коммуникативных функций, мультикатегориальность, диффузность семантики и отсутствие денотативного значения. Еще одна важная особенность дискурсивных слов связана с ростом их частотности в современных текстах. Для иллюстрации на рисунке 1 представлены данные о частотности лемм *конечно*, *наверно*, *наверное*, по данным основного корпуса Национального корпуса русского языка.

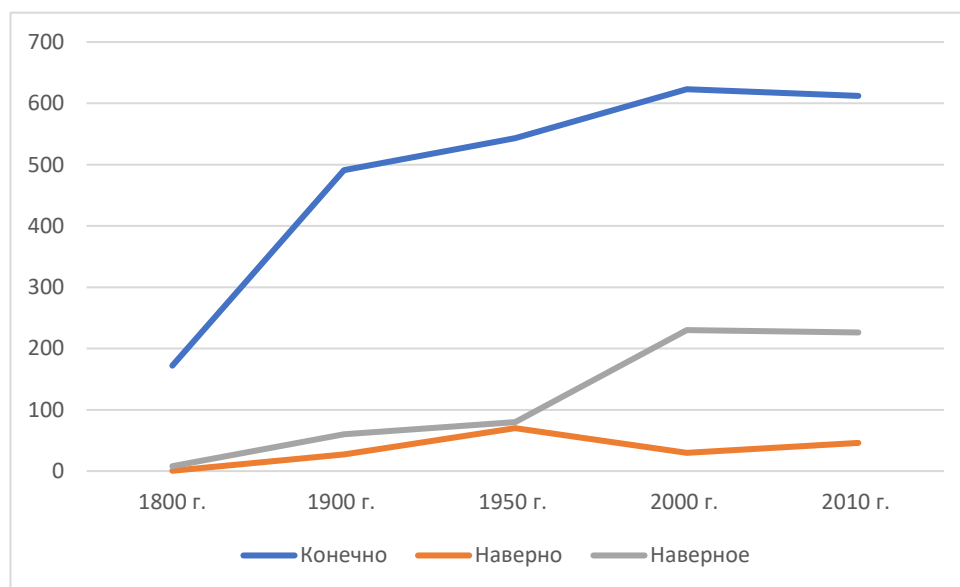


Рис. 1. Частотность лемм *конечно*, *наверно*, *наверное* в диахроническом аспекте (количество употреблений на миллион словоформ корпуса)

Диахронические данные показывают, что частотность дискурсивных слов постепенно возрастает. Постараемся объяснить причины такого роста и проанализировать особенности современного употребления дискурсивных слов.

Цель настоящего исследования – описать особенности употребления дискурсивных слов в разных стилях (регистрах) русского языка на основе корпусных данных.

История вопроса. Интерес к дискурсивным словам связан с усилением функционального подхода к языку, который предполагает описание единиц прежде всего с точки зрения функционирования (в предложении, тексте). Дискурсивные слова – достаточно разнородная группа единиц, включающая единицы разных частей речи. Морфологически они восходят к разным частям речи, однако в русском языке большинство единиц относятся к модальным словам (*конечно, вероятно, кстати, по-моему*). Также в разряд дискурсивных слов могут быть отнесены частицы, наречия и союзы (*даже, едва, да* и пр.).

Дискурсивные слова употребляются в текстах разных стилей: они отмечаются не только в устной речи, но и в научных текстах. Однако характер их использования значительно различается в этих текстах. Существуют многочисленные исследования дискурсивных слов на примере текстов разных жанров. Так, роль дискурсивных слов в поэтических текстах рассматривается в диссертации [Захаркив, 2023]: по мысли автора, дискурсивные слова выполняют функции, связанные с ориентацией на адресата, формированием связности, дейктическими функциями и др. Онлайн-коммуникация, то есть взаимодействие с помощью информационно-коммуникационных интернет-ресурсов, изучается в работе [Мишиева, 2015]: отмечается, что для этой формы коммуникации характерно сближение устной и письменной речи, экономия и эмоциональность. В онлайн-коммуникации активно используются комментирующие (уточняющие, выражающие отношения говорящего), параллельные (добавляющие информацию, в том числе обращения), организационные (формирующие связность и помогающие интерпретировать текст) дискурсивные слова. В интернет-общении основные модальные значения дискурсивных слов направлены на достижения согласия и кооперативного отношения [Костюченко, 2020].

В публицистических текстах, где явно проявляется авторское начало, дискурсивные слова способны выделять коммуникативные интенции говорящего (информирование, предупреждение, критика и пр.) [Манаенко, Манаенко, 2009].

В политическом дискурсе дискурсивные слова могут выполнять не только привычные функции (введение референта, подведение итогов, связывания), но помогают манипулировать аудиторией; это показано на примере сочетания *you know* в работе [Кабахидзе, 2022].

Наиболее часто дискурсивные слова изучаются в устной спонтанной речи. В исследовании [Матанцева, Зырянова, 2026] дискурсивные слова трактуются как неотъемлемый элемент устной разговорной речи: «Спонтанность, неподготовленность, линейный характер порождения, диалогичность – все эти признаки разговорного дискурса создают устойчивую потребность в единицах, выполняющих функции хезитации, коррекции, установления и поддержания контакта, выражения субъективной модальности и логической связности» [Там же].

По данным частотного анализа, выполненного на материале звукозаписей речевого корпуса «Один речевой день» (всего 232370 словоупотреблений, 209 говорящих), дискурсивные слова оказываются на «втором» месте по частоте употребления (после

личных местоимений): наиболее частотными среди них являются *вот, ну, не, да, нет* [Шерстинова, 2016]. Автор указывает, что дискурсивные слова используются для регулирования дискурса, заполнения паузы, обращения к контексту. В устной (диалогической и монологической) речи наиболее частотными дискурсивными словами являются *вот, там, да, значит, говорит* и др. [Богданова-Бегларян и др., 2019; Шерстинова, 2016].

Достаточно большое количество исследований посвящено особенностям употребления отдельных дискурсивных слов в устных текстах. Например, Е. А. Гришина показывает, что в устной речи слово *да* выражает разные формы согласия и одобрения говорящего, поэтому слово обладает многозначностью [Grishina, 2011]. Многозначность также отмечается у слова *вот*, которое выполняет дейктическую (в разных вариантах), оценочную функции [Гришина, 2008]. А. А. Рачева рассматривает употребление двух слов *вот* и *вон* в глубинных интервью: для этих единиц прототипическим значением является указание на объект, однако чаще всего они используются для привлечения внимания адресата; употребляются они и для иллюстрации [Рачева, 2016] (см. схожие выводы в работе [Кобозева, 2007]). В спонтанной речи функции дискурсивных слов различны: «От делимитативной (указание на границы текста или его фрагмента) до чисто хезитативной (заполнение паузы колебания)» [Ерофеева, Юшкова, 2021, с. 22].

Употребление дискурсивных слов подвержено процессу прагматикализации [Богданова-Бегларян, 2019], то есть на первый план выходит не содержание речи, а отношение говорящего к процессу речепорождения. Важно отметить, что автор разграничивает дискурсивные слова, порождаемые сознательно и выполняющие содержательные функции, от прагматических маркеров, создаваемых неосознанно и имеющих ослабленное лексико-семантическое значение. Последние единицы зависимы от контекста. В работе [Hansen, Rossari, 2005] прагматикализация сближается с субъективацией и связывается с процессом регулирования коммуникации.

Однако проблема комплексного изучения употребления дискурсивных слов в разных регистрах речи не рассмотрена должным образом. В целом для языка в процессе эволюции характерно усиление субъективного начала, что приводит к активным процессам грамматикализации и ослаблению основного значения единиц, то есть значение слова в большей степени зависит от контекста [Traugott, 1982].

Методология и методика исследования. Главным инструментом анализа является Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), который представляет разные коллекции текстов, позволяющий выявить частотность употребления слов.

Гипотеза исследования: в современных текстах дискурсивные слова преимущественно выполняют диалогизирующие функции, поэтому они более частотны в текстах, предполагающих диалогичность.

Для анализа были выбраны дискурсивные слова, выражающие уверенность / неуверенность в сообщаемом: *конечно, безусловно, очевидно / наверно, вероятно, скорее всего* и пр. Также дополнительно, в целях сравнения, была проанализирована частотность наиболее частотного дискурсивного слова *вот*, которое в современном русском языке в подавляющем количестве случаев употребляется как частица.

Поскольку все обсуждаемые примеры взяты из НКРЯ, в их паспортизации этот момент не отмечается, указывается только конкретный текст и год его публикации.

Анализ материала. В таблице 1 представлена частотность анализируемых дискурсивных слов разных корпусах НКРЯ. Данные приведены без снятой омонимии / со снятой омонимией (с помощью грамматической разметки «Вводное слово», для слова *вот* используется грамматическая разметка «Частица»). Для расчета средней частотности, медианы (серединного значения, то есть числа, которое находится в середине ряда) не учитывались данные о частотности слова *вот*.

Таблица 1. Употребление дискурсивных слов в разных регистрах (подкорпусах), тысяча употреблений

Дискурсивные слова	Основной корпус	Газетный корпус	Устный корпус	Корпус социальных сетей	Поэтический корпус	Русская классика
Вот	1666 / 1662	547 / 547	14165 / 14165	1604 / 1603	2013 / 2013	1956 / 1955
Конечно	576 / 553	330 / 319	1928 / 1919	520 / 520	172 / 171	371 / 361
Безусловно	32 / 17	59 / 51	112 / 111	31 / 31	6 / 6	8 / 0,08
Естественно	63 / 38	63 / 54	247 / 246	66 / 65	6 / 5	38 / 7
Действительно	253 / 71	200 / 35	594 / 586	219 / 219	19 / 19	255 / 63
Очевидно	106 / 78	65 / 24	75 / 0,2	43 / -	8 / 5	161 / 104
Разумеется	2 / 2	0,1 / 0,1	45 / 45	49 / 49	6 / 6	2 / 1
Несомненно	50 / 27	16 / 13	21 / 21	18 / 18	8 / 8	64 / 6
Наверно	44 / 43	4 / 4	399 / 398	38 / 38	83 / 83	70 / 59
Наверное	130 / 128	92 / 92	529 / 528	167 / 167	32 / 32	70 / 62
Вероятно	140 / 132	53 / 46	53 / 53	38 / 38	17 / 17	231 / 218
Возможно	157 / 68	170 / 144	168 / 166	275 / 275	64 / 64	60 / 2
Видимо	110 / 106	80 / 80	150 / 150	95 / 95	21 / 21	66 / 53
Вероятнее всего	2 / -	8 / -	2 / -	4 / -	- / -	3 / -
Кажется	3 / 3	0/0	630 / 630	257 / 257	219 / 219	639 / -
Скорее всего	30 / -	104 / -	62 / -	86 / -	1 / -	2 / -
По-видимому	77 / 69	10 / 10	41 / 41	6 / 6	3 / 3	69 / 68
По всей видимости	4 / -	15 / -	5 / -	6 / -	- / -	0,1
Пожалуй	106 / 105	40 / 39	78 / 78	56 / 56	66 / 66	134 / 132
Может быть	458 / -	276 / -	1085	295 / -	326 / -	777 / -
Среднее значение	123 / 96	83 / 55	328 / 329	119 / 122	55 / 48	159 / 76
Медиана	77 / 69	59 / 37	112 / 150	56 / 56	18 / 19	69 / 61

Анализ распределения дискурсивных слов по регистрам НКРЯ позволяет сделать ряд существенных наблюдений о характере их функционирования в разных регистрах (стилях речи).

Наиболее частотными во всех регистрах являются единицы *конечно* (553 IPM в основном корпусе, со снятой омонимией), *может быть* (458 IPM)¹, *наверное* (128 IPM), *вероятно* (132 IPM). Отметим для сравнения частотность самого распространенного дискурсивного слова русского языка *вот* (1662 IPM), по данным исследований [Богданова-Бегларян и др., 2019; Шерстинова, 2016].

Устная речь демонстрирует наибольшую концентрацию дискурсивных слов. Особенно показательны единицы: *конечно* (1919 IPM, со снятой омонимией), *может быть* (1085 IPM), *кажется* (630 IPM), *действительно* (586 IPM), *наверное* (528 IPM) и *наверно* (398 IPM). Данные выводы хорошо согласуются с результатами предшествующих исследований и объясняются тем, что в устной коммуникации говорящий постоянно поддерживает связь с собеседником, выражая свое отношение к сообщаемому и взаимодействуя с собеседником. Интересная особенность устной речи связана с тем, что в ней достаточно низкочастотны сочетания *вероятнее всего*, *по всей видимости*, что, возможно, связано с экономией речевых усилий.

Корпус социальных сетей также демонстрирует высокую частотность дискурсивных слов: *конечно* (520 IPM), *может быть* (295 IPM), *возможно* (275 IPM), *кажется* (257 IPM), *видимо* (95 IPM), *скорее всего* (86 IPM), *естественно* (65 IPM), *разумеется* (49 IPM). Состав и частотность частотных дискурсивных слов свидетельствуют о том, что тексты социальных сетей сближаются с устной коммуникацией. Так, активно используются слова *кажется*, *разумеется*, характерные для устного общения и не свойственные письменной речи (по сравнению с частотностью в газетном корпусе и корпусе русской классики). Однако между этими регистрами все же отмечаются различия: так, в устной речи высокочастотны слова *наверно* и *наверное*, в текстах социальных сетей они используются значительно реже.

В газетном корпусе некоторые дискурсивные слова этой группы достаточно частотны, однако среднее значение частотности относительно низкое. Наиболее частотными являются единицы *конечно* (319 IPM), *может быть* (276 IPM), *возможно* (144 IPM), *скорее всего* (104 IPM), *видимо* (80 IPM). В целом набор наиболее частотных дискурсивных слов совпадает с устным корпусом, а различия касаются некоторых слов. Например, слово *кажется* не употребляется в газетных текстах, так как уверенность в этом случае основывается на иррациональном предположении, личном мнении. Напротив, слова, характерные для аналитической деятельности, оказываются более частотны: *скорее всего*, *по всей видимости*: в этих случаях говорящий выражает предположение, одновременно дистанцируясь от полной ответственности за утверждение. Важно обратить внимание, что наиболее частотными дискурсивными словами для выражения неполной уверенности (наличия сомнений у говорящего) в газетном корпусе являются *может быть* и *возможно*, а в устном – *может быть* и *наверное*.

Важно, что в классической прозе дискурсивные слова достаточно частотны. Высокочастотными оказываются единицы *может быть* (777 IPM), *конечно* (361 IPM), *вероятно* (218 IPM), *пожалуй* (132 IPM), *по-видимому* (68 IPM), *действительно*

¹ Частотность сочетания *может быть*, как и других сочетаний, представлена без снятия грамматической омонимии, поэтому не все примеры употребления сочетания может трактовать как дискурсивные. См. далее обсуждение этой проблемы.

(63 IPM). Для русской прозы оказывается выражено личное начало, рефлексия повествователя, что выражается в частом использовании дискурсивных слов. Также в литературных текстах достаточно распространена диалогическая речь.

Наименьшее количество дискурсивных слов отмечается в поэтической речи. Наиболее частотны следующие единицы: *кажется* (219 IPM), *конечно* (171 IPM), *наверно* (83 IPM), *пожалуй* (66 IPM). Отметим, что в поэзии достаточно часто используются слова, характерные для разговорной речи: *кажется*, *наверно*, *пожалуй*.

Отдельного внимания заслуживает проблема омонимии дискурсивных слова. Для целого ряда слов разрыв между данными без снятия и со снятием омонимии оказывается весьма значительным: например, в основном корпусе общая частотность леммы *действительно* составляет 253 IPM, однако доля дискурсивных употреблений составляет всего 28% (71 IPM), для леммы *возможно* (общая частотность – 157 IPM) доля дискурсивных употреблений – 43 % (68 IPM).

Автоматическое снятие грамматической омонимии не всегда корректно. Так, с леммой *действительно* отмечается большое количество спорных и сложных случаев для грамматической разметки. В корпусе к наречиям относится пример (1):

(1) *Ведь иногда жизнь действительно должна быть запечатленной* (НКРЯ: Форум: рецензии на фильм «Служебный роман», 2006–2010).

Представленная грамматическая разметка не совсем корректна, так как наречие характеризует, как правило, действие или качество, а в этом случае анализируемое слово передает отношение говорящего к сообщению и должно рассматриваться как вводное (дискурсивное) слово.

Другая важная проблема – функционирование сочетаний. В Корпусе невозможно провести грамматическую разметку сочетаний типа *может быть, скорее всего*. Наиболее сложный случай – особенности употребления высокочастотного сочетания *может быть* (458 IPM в основном корпусе). Анализ конкретных примеров употреблений этого сочетания показал, что грамматическая характеристика во многом зависит от регистра речи. В устной речи сочетание *может быть* чаще всего функционирует в вводной функции (см. пример (2)), в газетной – оно является частью предложения (пример (3)).

(2) *Может быть / тут сказывается менталитет / что нам все время внушали / что НАТО / это враг* (Беседа в Новосибирске, 2004);

(3) *Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко считает, что документ может быть серьезно доработан* (Парламентская газета, 2021).

Для корректного анализа частотности подобных единиц снятие омонимии является методологически обязательным условием, а данные без ее снятия не могут использоваться как надежная основа для выводов.

В целом проанализированные данные убедительно показывают, что выбор дискурсивного слова определяется регистром (стилем речи): каждый тип корпуса формирует собственный набор предпочтительных ДС, отражающий коммуникативные стратегии, жанровые нормы и степень спонтанности речи.

Обсуждение результатов. В предшествующей работе [Белов, Белова, 2025] нами были выделены основные (прототипические) и периферийные функции дискурсивных слов: для анализируемой группы основная функция предполагает

выражение уверенности / неуверенности говорящего, именно это значение фиксируется в толковых словарях. Периферийные функции, не связанные прямо с выражением уверенности / неуверенности, предполагают диалогизацию текста² и создание эмоционально-оценочного содержания.

Высокая частотность дискурсивных слов характерна для тех текстов, где возможности диалогизации более широкие и более ярко представлено субъективное начало. Характер использования дискурсивных слов в регистрах речи связан с необходимостью диалогизации текста. Наибольшая диалогичность, естественно, характерна для устной речи, что приводит к частотности их употребления. Однако, кроме выражения уверенности / неуверенности, дискурсивные слова выполняют и другие функции. Например, в диалоге (4) говорящий с помощью дискурсивных слов не только выражает уверенность / сомнения, но пытается смягчить свою позицию, чтобы установить контакт со собеседником.

(4) *Студентка2: Не знаю пока... Лучше бы / **конечно** / домой. Я не фанат Москвы. Но / **наверное** / придется здесь какое-то время поработать... А ты что думаешь? Вернешься?*

Студентка1: Нет (Разговор о будущем, Москва, 2005).

В другом примере из газетного корпуса (5) в прямой речи президента также можно выделить стремление говорящего установить контакт с аудиторией за счет принятия чужой точки зрения:

(5) *Ряд мер продлен сейчас, напомнил президент: «Правительство идет на это сознательно, понимая, что происходит. Наверное, можно было бы делать что-то потоньше, побыстрее. Но надо отдать должное нашим коллегам, все это происходит в прямом контакте с бизнес-сообществом»* (Ведомости, 2021).

Иногда функция установления контакта с собеседником может сочетаться со сменой темы или аспекта темы, см. пример (6):

(6) ***Наверное**, и там и там есть определенные плюсы, но лично у меня немного приятных воспоминаний о школе, а вот университет...* (Форум: Универ (институт) VS школа, 2011).

В высказывании (6) говорящий, одновременно частично соглашаясь с собеседником, акцентирует внимание на других аспектах темы.

Интересная функция слова *наверное* часто отмечается в текстах социальных сетей: употребление этого слова выражается, скорее, не сомнение, а подчеркивает типичность этого действия (то есть, по мнению говорящего, обычно слушатель совершает такие действия); см. пример (7):

(7) *Приближается главный праздник всех школьников – День знаний! А как вы обычно отмечаете 1 сентября? **Наверное**, идете в пиццерию или в кино... Усадьба Асеевых предлагает отметить праздник по-новому* (Тамбовский трутень. Канал для жителей Тамбовской области, 2023).

В этом случае говорящий не сомневается в том, что обычно 1 сентября отмечают определенным образом, а, напротив, он считает такие действия типичными для этого праздника.

² Под диалогизацией понимается непосредственное взаимодействие говорящего и слушателя (аудитории) в процессе коммуникации.

Группа дискурсивных слов, выражающих уверенность, иногда создает эффект «ложного согласия» (см. пример (8)), где *конечно* выражает иронию говорящего. Ирония или сарказм, когда глубинный смысл высказывания противоположен прямого значению, характерен для устной речи и текстов с высоким уровнем диалогизации, так как прямое взаимодействие участников ситуации помогает «разгадать» иронию [Jorgensen, 1996].

(8) – *Шалишь! Эх вы, народец, с борку да с сосенки! – Вы все изволите шутить, – возразил отставленный приказный, – а того не хотите сообразить, что дающий волен давать, а принимающий – принимать. Притом же я действовал тут не по собственному наущению, а больше одно лицо участвовало, как я и объяснил... – Конечно, – иронически заметил Михей Михеич. – Лисичка под бороной от дождя хоронилася* (И.С. Тургенев, 1853).

Поэтический текст задает ограниченные рамки для диалогизации, поэтому часто дискурсивные слова преимущественно употребляются в основном значении (функции); см. пример (9), где говорящий выражает сомнения в сообщаемом:

(9) *До тех пор, но, **наверное**, с той поры,
Испытав потрясенье, поверил я,
Что иные, нездешние, есть миры,
Что иные, загробные, есть края* (А.С. Кушнер. Посчастливилось плыть по Оке, Оке..., 2000–2005).

Важно учитывать, что устные, газетные, поэтические тексты могут быть различными по структуре и содержанию. Например, поэтический текст может включать диалоги, напротив, газетные тексты могут содержать официальные документы. В данном случае необходимо описать общие закономерности.

Теоретическое обсуждение характера употреблений дискурсивных слова следует завершить проблемой разграничения понятий *значения* и *прагматическая функция*. Отмечается, что дискурсивные слова лишены денотативного значения, то есть они не обозначают предметы материального мира, а их семантика связана с выражением субъективного отношения к сообщаемому. Указанные особенности приводят к активной семантической деривации дискурсивных слов и их семантической диффузности. Благодаря этому дискурсивные слова сложно описать в рамках традиционной лексикографии, выделив обобщенное лексическое значение, так как оно варьируется за счет взаимодействия с контекстом высказывания, поэтому часто в исследованиях используются термины *прагматическое значение, функция*³ [Fraser, 1996; Захаркив, 2023 и др.]. Функции дискурсивных слов в тексте могут собственно текстовые (прежде всего создание связности) и межличностные (выражение субъективности)) [Brinton, 2008]. Обзор литературы по теме прагматических функций дискурсивных слов представлен в [Alami, 2015]. Однако, учитывая современные функциональные и прагматические исследования [Levinson 2000], следует признать, что выполняемые в контексте прагматические функции являются результатом семантической деривации (расширения) основного значения единицы, возникающие под влиянием контекста. Для дискурсивных слов семантическая деривация

³ В работе [Захаркив, 2023], где набор выполняемых функций дискурсивных слов связывается с общими языковыми функциями

происходит достаточно быстро, что и приводит к теоретическим проблемам при описании «пластичного» значения.

Для анализируемой группы дискурсивных слов изменение значения связано преимущественно с развитием диалогизирующих функций, которые, с одной стороны, являются субъективными (так как акцентируют психологический контакт участников коммуникации), но, с другой стороны, являются средством создания связности текста. Таким образом, дискурсивные слова *конечно, наверное, действительно* и др. становятся важными диалогизирующими средствами современного русского языка.

Выводы. Результаты исследования показывают, что дискурсивные слова этой группы достаточно частотны практически во всех анализируемых регистрах (кроме поэтического). Они в большей степени характерны для текстов, открытых для диалогизации и выражения модальных (субъективных) значений. Как правило, активное использование дискурсивных слов вызывает расширение значения, поэтому эти единицы, кроме основного значения, способны выполнять диалогизирующие функции (установление контакта, смены темы и пр.).

Данные единицы традиционно относятся к средствам так называемой субъективной модальности, то есть выражают «отношение говорящего к сообщаемому» [Кронгауз, 2005, с. 196]. Однако, учитывая функциональные особенности употребления дискурсивных слов, следует уточнить понимание субъективной модальности, так как дискурсивные слова прежде всего являются диалогизирующими средствами. Как представляется, понятие субъективной модальности стоит расширить, включив аспекты взаимодействия участников коммуникативной ситуации и выражения точек зрения коммуникантов.

В целом в современной речи роль диалогизации возрастает, что приводит к более активному использованию диалогизирующих дискурсивных слов, а также к расширению их семантики.

Литература

Баранов, А. Н., Плунгян, В. А., & Рахилина, Е. В. (1993). *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. Москва: Помовский и партнеры.

Белов, В. А., & Белова, В. М. (2025). Функциональный подход к описанию дискурсивных слов русского языка. *Русистика*, 23(2), 206–224. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224>

Богданова-Бегларян, Н. В. (2019). Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи. *Социо- и психолингвистические исследования*, 7, 14–19.

Богданова-Бегларян, Н. В., Блинова, О. В., Шерстинова, Т. Ю., Зайдес К. Д., & Попова Т. И. (2019). Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 18, 72–85.

Гришина, Е. А. (2008). Частица *вот*: варианты, используемые в непринужденной речи. *Инструментарий русистики: корпусные подходы = Slavica Helsingiensia*. Вып. 34 (с. 63–91). Хельсинки: Хельсинский университет. URL: http://docs.google.com/View?id=df52fjjj_9fntn6kxq

Захаркив, Е. В. (2023). *Дискурсивные слова в новейшей русско- и англоязычной поэзии*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: ФГБУН Институт языкознания Российской академии наук.

Кабахидзе, Е. Л. (2022). Дискурсивный маркер *you know* в политической коммуникации (на материале интервью Д. Трампа 2017–2020 гг.): функции, приемы перевода. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 4, 89–99. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-89-99>

Кибрик, А. А., & Подлеская, В. И. (2009). Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Бекасово, 27–31 мая 2009 г. Вып. 8(15) (с. 390–395)*. Бекасово, Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Кобозева, И. М. (2007). Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2007», Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г. (с. 250–256)*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Манаенко, Г. Н., & Манаенко, С. А. (2009). Дискурсивные слова в текстах СМИ: функционирование и статус. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 11, 135–140.

Матанцева, М. Б., & Зырянова, Е. В. (2026). Дискурсивные слова в фокусе региональной лингвистики (на материале русской разговорной речи Бурятии). *Литера*, 2, 128–144. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2026.2.78224>

References

Alami, M. (2015). Pragmatic functions of discourse markers: a review of related literature. *International Journal on Studies in English Language and Literature*, 3(3), 1–10. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.3034.3121>

Andersen, G., & Fretheim, T. (Eds.) (2000). *Pragmatic markers and propositional attitude*. John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.79>

Baranov, A. N., Plungyan, V. A., & Rakhina, E. V. (1993). *A guide to the discursive words of the Russian language*. Moscow: Pomovsky and Partners Publ. (In Russian).

Belov, V. A., & Belova, V. M. (2025). Functional approach to Russian discourse markers description. *Russian Language Studies*, 23(2), 206–224. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-206-224> (In Russian).

Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2019). Alone in the field is not a warrior: about the “magnetism” of pragmatic markers in Russian oral speech. *Socio- and Psycholinguistic Studies*, 7, 14–19. (In Russian).

Bogdanova-Beglaryan, N. V., Blinova, O. V., Sherstinova, T. Yu., Zaides, K. D., & Popova, T. I. (2019). Annotation of pragmatic markers in the Russian speech corpus: problems, searches, solutions, results. *Computational Linguistics and Intelligent Technologies*, 18, 72–85. (In Russian).

Brinton, L. (2008). *The comment clause in English syntactic origins and pragmatic developments*. Cambridge: CUP. (Studies in English Language).

Fraser, B. (1996) Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6(2), 167–190. <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>

Grishina, E. (2011). Да ‘yes’ in dialogue in spoken Russian. *Russ Linguist*, 35, 169–207. <https://doi.org/10.1007/s11185-011-9073-z>

Grishina, E. A. (2008). The particle *is*: the variants used in casual speech. *The toolkit of Russian studies: corpus approaches = Slavica Helsingiensia*. Is. 34 (pp. 63–91). Helsinki: University of Helsinki. URL: http://docs.google.com/View?id=df52fjjj_9fntn6kxq (In Russian).

Hansen, M., & Rossari, C. (2005). The evolution of pragmatic markers: Introduction. *Journal of historical pragmatics*, 6(2), 177–187. <https://doi.org/10.1075/jhp.6.2.02mos>

Jorgensen, J. (1996). The Functions of sarcastic irony in speech. *Journal of Pragmatics*, 26(5), 613–634. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(95\)00067-4](https://doi.org/10.1016/0378-2166(95)00067-4)

Kabakhidze, E. L. (2022) Discourse marker *you know* in political communication (on the basis of interviews with D. Trump from 2017 to 2020): functions, translation strategies. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 89–99. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-89-99> (In Russian).

Kibrik, A. A., & Podleskaya, V. I. (2009). Discursive markers in the structure of oral narrative: the experience of corpus research. *Computational Linguistics and Intelligent Technologies: based on the materials of the Annual International Conference “Dialog”, Bekasovo, 2009, May 27–31, Is. 8(15) (pp. 390–395)*.

Мишиева, Е. М. (2015). *Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова.

Рачева, А. А. (2016). Употребление маркеров вот и вон как дискурсивный выбор говорящего. *Сибирский филологический журнал*, 2, 164–176. <https://doi.org/10.17223/18137083/55/18>

Шерстинова, Т. Ю. (2016). Наиболее употребительные слова повседневной русской речи (в гендерном аспекте и в зависимости от условий коммуникации). *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2016», Москва, 1–4 июня 2016 (с. 616–631)*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Alami, M. (2015). Pragmatic functions of discourse markers: a review of related literature. *International Journal on Studies in English Language and Literature*, 3(3), 1–10. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.3034.3121>

Andersen, G., & Fretheim, T. (Eds.) (2000). *Pragmatic markers and propositional attitude*. John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.79>

Brinton, L. (2008). *The comment clause in English syntactic origins and pragmatic developments*. Cambridge: CUP. (Studies in English Language).

Fraser, B. (1996) Pragmatic markers. *Pragmatics*, 6(2), 167–190. <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>

Grishina, E. (2011). Да в русском устном диалоге. *Russ Linguist*, 35, 169–207. <https://doi.org/10.1007/s11185-011-9073-z>

Hansen, M., & Rossari, C. (2005). The evolution of pragmatic markers: Introduction. *Journal of Historical Pragmatics*, 6(2), 177–187. <https://doi.org/10.1075/jhp.6.2.02mos>

Jorgensen, J. (1996). The functions of sarcastic irony in speech. *Journal of Pragmatics*, 26(5), 613–634. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(95\)00067-4](https://doi.org/10.1016/0378-2166(95)00067-4)

Levinson, S. (2000). *Presumptive meanings: the theory of generalized conversational implicature*. Cambridge: MIT Press.

Traugott, E. C. (1982). *From propositional to textual and expressive meanings: some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization*. *Perspectives on historical linguistics* (pp. 245–271). Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.

Bekasovo, Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian).

Kobozeva, I. M. (2007). Polysemy of discursive words and the possibilities of its resolution in the context of a sentence (using the example of the word here). *Computational Linguistics and intelligent technologies: proceedings of the international conference “Dialog 2007”, Bekasovo, 2007, May 30 – June 3* (pp. 250–256). Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian).

Levinson S. (2000). *Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature*. Cambridge: MIT Press.

Manaenko, G. N., & Manaenko, S. A. (2009). Discursive words in media texts: functioning and status. *Aktualnye problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 11, 135–140. (In Russian).

Matantseva, M. B., & Zyryanova, E. V. (2026). Discursive words in the focus of regional linguistics (based on the material of the Russian colloquial speech of Buryatia). *Litera*, 2, 128–144. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2026.2.78224> (In Russian).

Mishieva, E. M. (2015). *Discursive markers in online youth communication (based on the English language): abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russian).

Racheva, A. A. (2016). The use of markers here and there as a discursive choice of the speaker. *Siberian Journal of Philology*, 2, 164–176. <https://doi.org/10.17223/18137083/55/18> (In Russian).

Sherstinova, T. Y. (2016). The most commonly used words in everyday Russian (in the gender aspect and depending on the conditions of communication). *Computational Linguistics and Intelligent technologies: based on the materials of the annual international conference “Dialog 2016”, Moscow, June 1–4, 2016* (pp. 616–631). Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russian).

Traugott, E. C. (1982). From propositional to textual and expressive meanings: some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization. *Perspectives on Historical Linguistics* (pp. 245–271). Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.

Zakharkiv, E. V. (2023). *Discursive words in the latest Russian- and English-language poetry: dissertation for the degree of Candidate of Philology*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Белова, В. А., Белова, В. М., & Крупнова, Е. С. (2026). Диалогизирующие дискурсивные слова в зеркале корпусных данных. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(19), 19–31. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-19-31](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-19-31)

For citation:

Belov, V. A., Belova, V. M., & Krupnova, E. S. (2026). Dialogizing discourse words: corpus data evidence. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(19), 19–31. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1\(19\)-19-31](https://doi.org/10.34680/VERBA-2026-1(19)-19-31) (In Russian).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Вклад авторов

Белов В. А. – концептуализация, проведение исследования, создание черновика рукописи, руководство исследованием, администрирование данных, администрирование проекта, получение финансирования.

Белова В. М. – методология, проведение исследования, администрирование данных, верификация.

Крупнова Е. С. – проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи.

Authors' contributions

Belov V. A. – conceptualization, investigation, writing – original draft, supervision, project administration, funding acquisition.

Belova V. M. – methodology, investigation, project administration, validation.

Krupnova E. S. – investigation, project administration, writing – original draft.